

УДК 930.85(470.1/.2)(082)+94(470.1/.2)(082)
ББК 71.083я43+71.061я43+63.3(23.1)-7я43
К 906

Под редакцией:

Марковой Маргариты Михайловны,
Перхиной Евгении Михайловны.

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» *Аринин Евгений Игоревич*;

кандидат культурологии, заведующая кафедрой начального образования ГАОУ ДПО «Архангельский областной институт открытого образования» *Подчердниченко Надежда Андреевна*

Культурное наследие Русского Севера: интерпретация

К 906 **смыслов:** коллективная монография / Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования. «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова» ; [под редакцией Марковой М.М., Перхиной Е.М.]. – Архангельск : КИРА, 2023. – 228 с.

ISBN 978-5-98450-826-1

Монография представляет собой научную работу коллектива авторов и содержит раскрытие ключевых вопросов осмысления культурного наследия Русского Севера.

УДК 930.85(470.1/.2)(082)+94(470.1/.2)(082)
ББК 71.083я43+71.061я43+63.3(23.1)-7я43

ISBN 978-5-98450-826-1

© ФГАОУ ВО Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2023
© Издательство «КИРА», 2023

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Анциферова А.И.

ИНФРАСТРУКТУРА ТОНЕЙ ОНЕЖСКОГО ПОЛУОСТРОВА (ПО ПИСЬМЕННЫМ И УСТНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Тони – прибрежные промысловые участки, оснащённые комплексом жилых и хозяйственных построек, – являются важнейшими объектами наследия Беломорья.

Рыбаки на тонях Летнего берега Белого моря специализировались, в основном, на промысле сёмги. Добыча сёмги – один из самых древних видов беломорского рыболовного промысла. «В количественном отношении этот вид промысла всегда уступал сельдяному, но в ценностном выражении он обычно стоял на первом месте и был важнейшим средством существования местного населения» [21]. Жители Летнего берега, оценивая свои промысловые участки, в первую очередь подчёркивают: «Тоня сёмужья, здесь сёмгу промышляют». Лов сельди в дореволюционный период не имел на Онежском полуострове промышленного значения – только с образованием колхозов на Летнем берегу стали добывать и сельдь. После Ухт-Наволока, который собственно и маркирует Летний и Онежский берега Белого моря сёмга почти «не подходит» и не является основным видом промысла. «Тоней на коргах Ухт-Наволока кончается Летний берег и вместе пространство непрерывных тоней. От Ухт-Наволока до Летне-Орловского мыса ещё есть сёмужьи тони, но дальше последнего уже не простираются» [1, С. 82], – в 1910 г. охарактеризовал Василий Рафаилович Алеев, младший специалист по рыболовству Архангельского управления земледелия и государственных имуществ.

Часть промысловых участков Летнего берега, где промысел сёмги был наиболее успешным, упоминается уже в I четверти XV в. [2, С. 214 – 226.]. В XVI–XVII вв. вся прибрежная часть Онежского полуострова была разделена между различными владельцами в лице сельской общины, монастыря, отдельного человека на промысловые участки, сохраняющие свои названия и в настоящее время. «За отсутствием хлебопашества, тони заменили местному населению земельные наделы» [26].

На Летнем берегу плотность тоней была выше, чем на Онежском. «Промысловые участки располагаются по всему побережью, идут друг за другом. По всему берегу нет такого места, где бы сёмга не ловилась совсем: тони без перерыва следуют одна за другой. Весь Летний берег можно себе представить уставленным тайниками. Самое большое расстояние между ними на тоне Ручьевой мох, с. Красногорки, именно 900 саж. (около 2 км – А.А.). Наименьшее расстояние между тайниками – 30 саж. на Лопшеньгской тоне № 11 (тоня Варница)» [1, С. 81–82], – зафиксировал в 1910 году В.Р. Алеев.

«Каждый промысловый сезон жители прибрежных сёл покидали свои дома и переселялись на всё лето на тони. На тонях ставились избы, амбары для хранения сетей и провизии, ледники, в которых держали рыбу, другие сооружения. При этом брали и детей, и домашний скот, а рядом с избами заводили небольшие огороды» [26].

Сёмужья путина на Летнем берегу Белого моря продолжалась несколько месяцев: с мая до конца октября. Длительные отлучки промысловиков, называемые жителями Онежского полуострова «сидением на тоне», привели к формированию развитой инфраструктуры на каждом участке.

Если тони были удалены от населённого пункта на достаточное расстояние, то на них создавалась обязательная инфраструктура, позволявшая находиться на промысловых участках длительное время. В случае же расположения тони в границах

деревни, перечень объектов был значительно меньше и, прежде всего, отсутствовала «тоньская избушка». «На нашей тоне «Разлог» (д. Яреньга – А.А.) не было «тоньской избушки». Она была не нужна, потому что деревня рядом. На ночь, во время штормов, ветров, рыбаки уходили домой. Все знали, что это самая «уловистая» тоня, до колхоза ею владел Соловецкий монастырь, и в колхозное время здесь тоже всегда были хорошие результаты по рыбодобыче» [28]. На современной тоне «Турка», расположенной в центре д. Лопшеньга, также отсутствует промысловая изба. «Тоня «Турка» и раньше принадлежала, и сейчас принадлежит колхозу «Заря». Избушка там не нужна. Зачем? Тоня же в центре деревни находится, дом у каждого рыбака рядом» [35].

На инфраструктуру тони, количество и размеры её объектов оказывали влияние географическое положение и природно-климатические условия расположения каждого участка. Больше возможностей для развитой инфраструктуры у промысловых участков, расположенных на пологом или песчаном берегу, чем у тоней, находившихся на крутом или каменистом берегу. В Конюховой губе (промысловый район д. Пушлахты), издавна существовало несколько тоней, укрытых от сильных ветров заливом. На берегу Пушлахотской губы есть место, которое «все жители называют «Тонское», а старожилы рассказывали, что, когда Пушлахотская губа была полноводной и не заросшей травой, было много рыбы, там было ловить лучше всего: в губу (залив) обычно заходило много рыбы, не было сильных ветров, т.к. Пушлахотская губа была прикрыта, защищена от моря мысом Тонким» [30]. Летненаволоцкая тоня «Кярженица» находится на каменистой отмели, далеко вдающейся в море. Во время приливов каменистая коса превращается в небольшой остров, где невозможно возвести значительное количество объектов.

На инфраструктуру тони влиял и дополнительный функционал конкретного участка. Так на тоне «Зацепино» (промыс-

ловый район д. Лопшеньга), расположенной посередине пути в д. Летний Наволок (по 20 км до Лопшеньги и Летнего Наволока – А.А.), происходил обмен почтовой корреспонденцией [31]. В настоящее время на участке помимо промысловой избы ещё сохраняются руинированные складские, жилые и хозяйственные здания (конюшня), которые использовались не только рыбаками д. Лопшеньга, но и местными почтальонами [10].

К середине XVI в. относятся первые (выявленные на данный момент) сведения об инфраструктуре тоней Онежского полуострова. В 1551 г. были описаны 3 пушлахотские тони, принадлежавшие Соловецкому монастырю: «На тоне на Корге келья с сенми, против кельи клеть с мостом да поварня, да анбар рыбной с мостом, где рыбу солят, да анбарец неводной, где сети держат да мылня, стоит отдаль от кельи. На тоне на Средней хором: келейка с сенми да за сенми прируб, где рыбу солят и сети держат, да банка, стоит отдаль от кельи, да сторожня: неводов стерегут. На тони на Задней хором: келья с сенми, против келейки клеть с мостом, в сенях же пристенец: рыбу солят, да поварня, да анбарец неводной: держат сети» [24, С. 281 - 285].

На протяжении следующих столетий описи имущества промысловых участков Летнего берега Белого моря встречаются в документах Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Николо-Корельского монастырей, владевших ими. «Об отдаче из оброка тони Баневой и Зацепиной яренжанам Игнатию Пирожникову с братьями и Ивану Гуляеву с братьями. В прошлом 1736 году в мае отдано мне Ивану Гуляеву с товарищами тони Банева и Зацепина во владение на 6 лет. Оброку по 10 руб. на год. Не в зачет тех денег построена нами на Зацепиной тоне вместо погорелой вновь изба впредь желаем владеть этими тонями 10 лет с 1742 года. О сем просит монастырской вашей вотчины Яренгской волости Игнатий Пирожников с братьями. 11 мая. Владели они до последней отдачи Ивану Гуляеву... избу на Зацепиной

зачали они, Гуляев и Пирожников с братьями строить в 1737 году» [22, Л.Л. 1 – 2 об.].

Монахами Соловецкого монастыря в 1712–1713 гг. были составлены описи имущества промысловых участков на Онежском полуострове, принадлежавших обители: «Тетрадь записная ... старцов, что от них осталось от 712 Года в 713 Году на тонях На Летнем берегу. В Кяржанице по росписи старца Евфимия в хороме на Горе и на Юрике. Божия милосердия, образ Пресвятыя Богородицы знаменая, образ перыда/./ мене /.../, образ преподобных отцев Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев, все ветхие. На Горе в анбаре: два невода ветхие прошлых годов, невод сего летной, два карбаса промышленных, третий карбас малой переездной, в хороме 2 заслона, треноги ветхие, два крюка, клещи храпы, 3 топора старые, батаг малой, две напарьи, долото, скобель, молоток, багаены, четыре окончины /.../ ветхие окончины шитуха. Посуды бочка квасная, бочка большая рыбная, бочка с солью, тчан большой рыбной, два тчана малые, тчаник монастырского привозу, кадка с солью и тчаник ушат смолной, два решета, сито ветхое, четыре ушата, квашня, два ковша, точило с крюком железным, три конца ужищ липовых новых тяглых, шеймы воротовой обрывок. ветхой сажень с десять. Соли в бочке и в дву кадах посмете десять пудов. Да у сеней и у снастного анбара на Горе замки задорощатые, у повальши замок задорощатый без ключа; на Юрике ж две гряди, да двой, нарукавники кож ветхие.

На Уг наволоке по росписи Старца Георгия осталось, Божия милосердия Образ /.../, два образа пресвятыя Богородицы в том числе один /.../ ветхие. Тонских снастей в анбаре 2 невода держаные, третьей невод сеголетней новый. 3 перепряди ветхие. Два заслона, 2 напарьи, 2 скобелей, клещи, крюк железной, пять окончин шитух ветхие, 2 ушата 2 тчана рыбные, 3 кадки, бочка квасная, клечевина пять концов, топор ветхой, карбас промышленной ветхий, а другой карбас осенью взят /.../, решето вет-

хое /плохое/, без /.../ три /.../ да в хороме клещи да /.../, а жить остался в хороме /.../а Матвеев /.../ Симон.

На Спирухе по росписи старца Саватия осталось Божия милосердия три иконы писаны красками 3 окончины под железом, заслое железной, клещи, крюк на дереве, 3 кади, решето, анбар сетной, в нем три невода один невод немного подержанный, прошлогодной невод, да третьегодней, шейма воротовая 30 сажень, другая ветхая 12 сажень, 5 концов липовых толстых, 2 топора, 2 скобели, напарья, пазник, кирка, долото, карбас подержанной, 4 году карбас гораздо ветхой в погребе два тчана, 4 бочки, соли 15 пуд. И та соль взята топлую рыбу солить на Уг наволоке.

На Тимофееве корге по росписи старца Илария осталось промышленных снастей, карбас переездной, 2 карбаса промышленные, 3 невода в том числе два ветхих, 4 окончины под железом, одна шитуха, заслон да крюк железные, /2/ топора, 4 напарья, скобель, долото, шейма воротовая ветхая, промышлять /.../ мерою 35 сажень» [23, Л.Л. 6 – 8 об].

В основном инфраструктура промысловых участков состояла из «тоньской избы» или «рыбстана», сёмужьих или сельдяных карбасов, карбасов – подъездков, рыбопромысловых или зверопромысловых снастей и специальных приспособлений, называемых жителями Онежского полуострова «вешалами», для просушки и ремонта орудий лова. На некоторых тонях возводились дополнительно ледники для хранения рыбы, конюшни.

Центром удалённого от населённого пункта промыслового участка всегда была изба – «тоньская избушка» (такое название фиксируется повсеместно по Летнему берегу Белого моря – А.А.). Поскольку промысел сёмги на Летнем берегу начинался в мае, а заканчивался в конце октября, причём осенняя сёмга была более жирной, «нагуляной», как говорят поморы, то промысловики уходили на тони на несколько месяцев. «Промышленник в лето-то, бывает, и мало раз домой придёт; как на даль-

них тонях, – не ходят часто» [14, С. 32], – записала в конце 1930-х гг. Н.И. Рождественская у Улиты Леонтьевны Бронниковой из д. Дураково.

По рассказам местных старожилов, по фотографиям 1920–1930-х гг. можно сделать вывод, что в начале XX в. (описания избы более раннего периода в настоящее время не выявлены) избы топились по-чёрному.

Л.В. Костиков, руководитель экспедиции этнографического отдела Русского музея в 1910 г., писал о сёмужьем промысле Летнего берега: «Промысел настолько распространен, что весь берег от Яреньги до Пурнемы «усеян» избышками – семушками, «тоньскими», все курные, расположенными одна от другой на расстоянии около версты» [5].

В это же время, в 1910 г. В.Р. Алеев дал развёрнутую характеристику традиционной промысловой избе: «Большинство промысловых изб тесны, грязны и низки. Отапливаются по-чёрному, т.е. просто в углу сделан каменный очаг, или подобие печи. При топке дым идёт в избу, наполняет её в верхней половине и выходит через приоткрытую дверь, иногда ещё через «трубу», т.е. отверстие в верху стены под потолком. По всему берегу плавного леса выкинуто штормами целые гряды, попадает много хорошего строевого леса и какую угодно избу ничего не стоит сделать. Даже на потолок и лавки всегда почти можно набрать разной толщины досок, принесённых водой с лесных заводов. Тип курной избы по всей дешевизне и простоте хорошо подходит в качестве промысловой» [1, С. 83].

Участники археологической экспедиции 1926 г. по Летнему берегу А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, А.В. Збруева описывали тоню «Осиповку» (промысловый участок д. Лопшеньга): «Живём мы в рыбацкой курной избе в 16 верстах от селения Лопшенга, на самом берегу Белого моря. Сообщение с деревней имеем только раз в 4–5 дней (мальчик приносит хлеб), из людей видим только прибрежных рыбаков, у которых покупаем семгу (по 20–30

коп. за фунт). Готовим пищу на очаге под открытым небом. Две недели сидим, не раздеваясь, потому что дуют северные ветры, а у нас в избе нет рам в окнах, а топить каменку не можем из-за дыма» [3, С. 129].

В конце 1920–1930-х гг. все промысловые участки Онежского полуострова были национализированы. Промысел сёмги и беломорской сельди вёлся бригадами из нескольких колхозников, что повлияло на размеры «тоньских изб». На некоторых промысловых участках в путину требовалось большее количество рыбаков. Такие промысловые участки назывались «рыбстан». Избы строились из расчёта на 10 и более человек, могли быть одноэтажными и двухэтажными, как в промысловом районе с. Пурнема: «Ещё был большой стан на Ухте, даже двухэтажный, в Ручьях – одноэтажный хоть, но тоже печка была, плита там была» [29]. В 1930-х гг. большая часть изб была перестроена. В отчёте колхоза «Беломор» Пушлахотского сельского совета Беломорского района указаны все промысловые избы Пушлахты, зафиксирована дата их постройки и стоимость, размеры и вместимость, а также период использования [7]. Так, на тоне «Кислая губа» изба была построена в 1928 г., использовалась зимой и вмещала 5 человек. Спустя 4 года, в 1932 г. в «Кислой губе» зафиксирована зимняя изба, но уже с большей вместимостью – 10 человек. В 1929 г. на тоне «Корга» поставлена новая изба на 3 человека, занимавшихся промыслом в летнее время. В 1931 г. была возведена летняя изба на 9 человек на тоне «Средняя» (рыбстан), в 1938 г. на этой же тоне зафиксирована изба с другими размерами и вместимостью в 10 человек. В 1933 г. появились новые избы для летнего промысла на тонях «Хайнаволок» (на 6 человек), «Новина» (на 5 человек), «Черной наволок» (на 5 человек). В 1935 г. были обновлены промысловые участки: для летнего промысла – «Орлово» (на 5 человек), для зимнего промысла – «Ильина» и «Котова» (вместимостью в 3 человека), «Кокора» (на 5 человек). Тони «Варница» (на 5 человек) и «Мед-

вежья» (на 4 человека), использовавшиеся в зимний период, перестроили в 1936 г. Самое значительное количество новых промысловых изб появилось в 1937 г.: «Городок» и «Островки» (вместимостью по 5 человек) использовались для летних промыслов, «Девятина» (на 4 человека), «Мокрая губа» (на 3 человека) и «Измайлово» (на 3 человека) – для зимних промыслов. В 1938 г. для летнего промысла возвели избу на тоне «Сальная» (на 5 человек); для зимнего проживания – на тоне «Баба» (на 4 человека). В 1939 г. построили небольшие избы, рассчитанные на проживание в зимний период 3 человек, на тонях «Савин» и «Долгая корга».

Характерную «тоньскую избу» с. Пурнема в 1930–1940-х гг. описал Е.А. Бровков: «На тоне хорошая изба: 2 окошечка (одно – на море, другое с боку... с того или с другого), печь ещё (из камней была сложена, топилась по-чёрному), кровати сначала деревянные были. После войны там печки уже были, кровати стали железные...» [29].

В промысловом районе д. Лопшеньги также в 1930-х гг. обновлялись промысловые избы. На мысе Вороний находился колхозный промысловый стан «Вороний», от которого в настоящее время сохранились 2 больших избы: одна была построена в 1937 г. – такая дата вырезана на стене здания [31], другая – «лет 15–20 назад рыбколхоз перенёс избу из деревни на тоню «Воронья» [32].

Избу тони «Тотманга», в настоящее время чаще именуемую «Тотьмангой», зафиксировала Н.И. Рождественская в 1937–1938 гг. (Рис. 1).

В 1938 г. художник В.В. Рождественский описал летненаволоцкую тоню «Кярженица»: «К помосту выходила дверь «тоньской избы», переделанной из старинной часовни, когда-то стоявшей здесь. В ней жили два старых рыбака, они и наблюдали за неводом, поставленным недалеко от берега. Рыбацкое «тоньское» хозяйство: сети, бочки, точило, обручи для мерёж, клеен-

чатая одежда, бахилы, находились на помосте. Лестница с него спускалась на песчаный берег, где сушились развешанные сети. Кярженица стоит на каменистом мысу; при штормах здесь прежде случались аварии, поэтому у тони сохранились большие деревянные кресты. Во время прилива море окружает тоньскую избу. Я сижу на помосте и работаю. Передо мной промысловая изба с сушёными пинагорами под крышей. Предметы рыбацкого обихода, висящие у наружной стены и расположенные на помосте, придают тоне обжитой вид. Воздушность голубых далей ещё больше подчёркивает монументальность огромных тёмных крестов, говорящих о старой истории Беломорья. Иногда в тихий день я приходил на своеобразный балкон-помост без работы, сидел, ничего не делая, наслаждаясь тишиной и чистейшим морским воздухом» [25, С. 170].

Некоторые промысловые участки обновлялись колхозами в послевоенное время, рядом строилась другая «тоньская избушка». В документах рыболовецких колхозов и сельских советов встречается информация о строительстве или ремонте станов.

В протоколах рыболовецкого колхоза «Красная заря» (д. Яреньга) в 1946 г. содержится информация о выдаче задания бригадиру Гуляеву о ремонте рыболовецких станов «Браница» и «Красавка» к 20.05.1946 г. [15, Л. 1 об.]. В советский период часть промысловых участков Летнего берега практически не использовалась. Так колхоз «Промышленник» (д. Лопшеньга) в 1940–1950-х гг. ставил рыболовецкие бригады на лов сёмги только на несколько тоней: «Банёво», «Зацепина», «Спаська», «Никольская», «Сярта» и «Лудушка» [16, Л.Л. 14–14 об.], которые считались местным населением наиболее «уловистыми». На этих тонях рыболовецким колхозом «Промышленник», а с 1959 г. – колхозом «Заря», строились или ремонтировались «тоньские избы» или станы, сооружались вешала для просушки снастей, имелись карбасы сёмужьи и сельдяные. Новая изба

была срублена на лопшеньгской тоне «Никольская» в 1970-е гг. По сложившейся традиции, избу из-за её ветхости заменённую на другую чаще всего использовали здесь же под складское помещение.

В настоящее время «тоньские избушки» – это небольшие сезонные промысловые домики с печкой, но в отличие от курных избушек, описанных В.Р. Алеевым в 1910 г., большая часть из них отапливается по-белому. Промысловые избы выглядят по-разному. На некоторых тонях Летнего берега Белого моря фиксируются по 2 избы («Никольская» (обе избы принадлежат колхозу «Заря»), «Воронья» (обе избы принадлежат колхозу «Заря»), «Спаська» (изба колхоза «Заря» законсервирована, другая принадлежит жителю д. Лопшеньга). На большей части тоней построена 1 изба. На некоторых промысловых участках для проживания одного человека в летний период используются землянки [10]. Сейчас рыбаки не «сидят» подолгу на тонях, современные транспортные средства позволяют часто навещать дом.

В период долгого сидения на тонях, как рассказывают поморы, промысловики занимались изготовлением прялок, вальков, ящичков для инструмента и т.д.

В Архангельский областной музей изобразительных искусств (ГМО «Художественная культура Русского Севера») в 1970-м г. от Анны Андреевны Федотовой, жительницы д. Лопшеньга поступили набилки ткацкого стана, на которых вырезан текст: «А / АФ», «19. / 29», «НАПАМЯТЬ» «ЯБЛОНЯ / ТУТ». «СИДЕЛ. В НЕНАСТЬЕ. / ПИСАЛ ОТ СКУКИ ВО ВРЕМЯ ПОГОДЫ» [11, С. 158]. Можно предположить, что данная надпись на набилках вырезана на тоне.

Поклонный крест, а то и несколько – неперменный атрибут промысловых тоней Летнего и Онежского берегов Белого моря. Об этом рассказывают многие из опрошенных информантов – жителей Яреньги, Лопшеньги, Летнего Наволока, Летней Золо-

тицы, Пурнемы. Некоторые тони, на которых ещё в начале XX в., находились приметные поклонные кресты сохраняют название «Крестовая».

В 1938 г. художник В.В. Рождественский описал кресты на некоторых тонях между д.д. Летний Наволок и Лопшеньга: «Мы подошли к «тоньской избушке». Эта небольшая постройка выходила окнами на море, чтобы рыбаки могли наблюдать за сетями. Около избы еще сохранился высокий старинный крест: такие кресты ставились прежде «по обету», иногда терпевшими на море бедствие и спасшимися от гибели. На песке лежали опрокинутые лодки, на вешалах сушились сети. Двое рыбаков занимались у избы починкой невода» [25, с. 161] (Рис. 2).

«Результаты промыслов были очень непостоянными, как говорится, «то густо, то пусто». Они почти не зависели от самих поморов и определялись «Божьим промыслом». В таких неопределенных условиях было естественным желание обратиться за помощью к Богу. Одной из форм такого обращения могла быть установка креста. Его чудесное действие становилось как бы залогом успеха на промысле. Примечательно в этом плане соотношение понятий «крестовый» – «богатый» в среде поморов. О том, что кресты имели непосредственное отношение к промысловой деятельности поморов, говорит тот факт, что большинство из них установлены в местах промыслов или связаны с событиями, происшедшими на промыслах. До установления советской власти в Поморье деревянный крест являлся необходимым атрибутом каждой тони, которые играли значительную роль в жизни поморов. Именно поэтому участки нуждались в Божественной защите, а сам промысел и промышленники в Божественной помощи. Наиболее важная функция «тоневых» крестов – охранительная. В своем раскрытии она имела несколько пластов. Во-первых, крест «маркировал» освоенное пространство – тоню и освящал его. Тем самым тоня становилась «своей» территорией, обжитой и принадлежащей христи-

анскому миру. Здесь уже на все «воля Божья» и какие-то чужие, неведомые силы не имели значения. Во-вторых, в среде поморов были широко распространены элементы промысловой магии. Многие обряды, имевшие в своем основании языческое мировоззрение, были направлены на то, чтобы «отбить» рыбу у более удачливого соседа. Для нейтрализации таких действий и вообще «лихих помыслов» мог служить крест. Второстепенной была памятная функция крестов на тонях. Следует отметить, что на тоне ставился обычно только один крест, так как для осуществления охранительной функции было вполне достаточно одного. Появление второго креста рядом с тоней могло быть связано только с какими-то экстраординарными событиями – крушением судна в этом районе, выходом на берег промышленников с торосового зверобойного промысла и т.д.» [26]. Отдельные промысловые участки Онежского полуострова в настоящее время также отмечены поклонными крестами.

Некоторые промысловые участки маркировались часовнями. «Так к Введенской церкви деревни Лопшеньга была приписана часовня в честь преподобномученицы Евдокии Илиопольской (день памяти 1/14 марта). Эту часовню построили местные промысловики своими силами и на свои средства на берегу моря, в 4 верстах от церкви» [27]. Тоня, на которой стояла эта часовня, в настоящее время не установлена.

Рыбак из д. Лопшеньги Н.М. Майзеров подтверждает в своём рассказе эту традицию: «На некоторых тонях ставили часовни. На Лодейной часовня была, заросла, шестиугольная» [12, С. 101]. «На «Лудушке», старики сказывали, тоже часовня была. Кому там молились – я не знаю. От той часовни только фундамент и остался. Я-то знаю, что там часовня была, поэтому и про сгнившие нижние венцы знаю», – подтверждает житель д. Лопшеньга Н.А. Петров [32].

Лопшеньгская тоня «Сярта», где в конце XVI в. были обнаружены нетленные останки преподобного Иоанна Яреньгского,

также была отмечена часовней, посвященной этому святому и приписанной к Яреньгскому приходу. У реки Сосновка на территории тони «Сосновка», где были обнаружены останки другого Яреньгского преподобного – Лонгина, также стояла часовня этого святого [9]. В 2018 году эта часовня была отреставрирована ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

В 1599 г. на месте обнаружения нетленных мощей преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских, погибших в 1561 г. во время шторма, была построена часовня, вокруг которой позже основана Пертоминская обитель. Возможно, в этом месте также располагался промысловый участок, т.к. в Житии святых указывается, что их обнаружили рыбаки из Луды: «Жители с. Луда, выехавшие на морской промысел, увидели множество ворон там, где лежали тела иноков. Неведомая сила отгоняла птиц от мощей святых, рыбаки обрели их неповрежденными и решили перенести в церковь с. Луда. Из-за сильного тумана рыбаки сбились с пути и пристали к берегу там, откуда отплыли. Ночью им явились во сне Вассиан и Иона и повелели положить их «на пустом сем месте, под великою сосною, вышше, противно тогожде места, на немже первое обретосте» [6].

По свидетельству В.В. Рождественского «тоньская избушка» на «Кярженице» была перестроена из старинной часовни [25, С. 169]. В 2014 г. часовня была восстановлена уроженцами Летнего Наволока в память о своём спасении во время шторма. Изба на тоне «Кярженица» была собрана «из несгоревших брёвен сгоревшей в 1919 г. Дураковской Преображенской церкви» [34] (Рис. 3).

Один из важнейших вопросов промысловой культуры поморов Летнего берега Белого моря связан с традиционными орудиями лова.

В конце XIX в. на тонях Летнего берега для промысла сёмги использовались тягловые невода. В 1910 году В.Р. Алеев зафиксировал: «Только на монастырских тонях осталось 2 – 3

тяглых невода, да и то осенью их теперь заменят тайниками» [1, С. 81].

В 1938 г. собиратель фольклора Н.И. Рождественская записала у Сусанны Петровны Майзеровой из д. Дураково рассказ о тягловых неводах. «Мы ещё маленькие были – ловили рыбу (сёмгу) с дядей Павлом, от домашней стороны аккурат десять вёрст. Он в карбасе сёмгу и глядит, а я да двоюродница – мы с ней на юрке (юрка – деревянное сооружение на деревянном помосте для подтягивания невода (тягового); расположена в море на каменистой отмели. Теперь юрок нет, тяговые невода заменены более совершенными – «тайниками»). А тут у нас наволок, «Волчье» зовётся, - два мужика в тоньской избушке: дураковские мужики» [14, С. 30 - 31].

Дольше всех тягловые невода использовались на тоне «Кярженица», которые в 1910 г. уже почти не фиксировались В.Р. Алеевым на тонях Летнего берега [1, С. 81–82].

Художник В.В. Рождественский в 1938 г. описал тону «Кярженицу», впервые упоминавшуюся в 1559 г. [8, С. 94]: «Когда я был в Дуракове (с 1939 г. деревня называется Летний Наволок – А.А.), мне очень понравилась там одна тоня, находившаяся на краю деревни. Устроившись в деревне, начал работать на старинной сёмужьей тоне – Кярженице. В прежнее время сёмгу ловили по-другому: примитивнее, требовалось большее количество людей, так как лов производился тягловым неводом. Для такого невода нужен был возвышающийся над морем деревянный помост, называемый «юркой». На юрке ожидали подхода сёмги и вытягивали сеть воротом. Такой помост от старой юрки остался на Кярженице» [25, с. 169] Жители Летнего Наволока ещё помнят эти традиционные до конца XIX в. орудия лова. Уроженец этой деревни В.А. Репин рассказывал: «Юрка – это настил, где стоял ворот, чтобы вытаскивать нёвода. Осталась юрка, т.е. помост только на тоне «Кярженице» – нёвода ставили с лопшеньгской стороны – туда сёмга хорошо подходила, а помост со

стороны Дураково. Когда заштормит, то нёвод совсем вытаскивать нужно, иначе не будет нёвода» [34] (Рис. 4).

Уже в начале XX в. большая часть орудий лова сёмги – невода – тайники. Тайники – это ставные невода на сёмгу или, как говорят местные жители, сёмужьи невода, ставники.

Среди снастей, использовавшихся колхозом «Красная заря» (д. Яреньга) на промысловых участках в 1946 г. указаны: «рюжи наважьи – 250, ставники сельдяные – 13, сети пинагорьи – 70, юнды нерпичьи – 40, карбаса – 40, лодки зверобойные – 6, тайники сёмужьи – 24» [15, Л. 2]. Спустя 4 года, в 1950 г. на промысловом участке «Холодное» в Унской губе, где колхоз «Красная заря» производил подлёдный лов наваги, «выставлено в бригаде № 1 27 рюж но в виду плохой погоды выставка рюж приостановлена, как только будет хорошая погода рюжи будут все выставлены» [18, Л. 39 об.].

Во время подходов сельди на тонях также «сидели» рыболовецкие бригады. В настоящее время на колхозных тонях Летнего берега Белого моря используются ставные сёмужьи невода тайники, промышленный лов сельди не производится.

На Онежском берегу Белого моря тони, во-первых, располагались реже, во-вторых, характеризовались иными орудиями промысла: рюжами, заколами, заборами и т.д. «На Вейге занимались рыбалкой, потом здесь, в Пурнеме, а потом в сторону Лямцы Глубокий наволок. От Пурнемы до Глубокого больше 6 км. От Пурнемы до Глубокого... больше промысловых участков не было. На Вейге ловили форель, все ходили, не делились. Каждую осень отец ставил забор – забирал – 15 км по реке Вейге – место называлось «Верхотина» – вот там забирал забор. И колхозный забор был... Забирали, где река выходит в море – так с километр примерно от этого места, устья Вейги – тут был колхозный забор. И до двадцать второго километра разрешали ставить частникам, вот мой отец ставил на пятнадцатом километре. От колхозного забора 12 заборов поставят на реку и у всех

рыбы много. Вот отец – неделю или полторы стоит забор – рыбы наловит, всё забор снимает. А закол и забор – это разные вещи. Закол – забивают колья, натягивают сетки и этими же сетками там внутри делают карманы. Вот так белух ловили: они зайдут, а обратно-то они там теряются (и тут сетка, и тут сетка). Это называется закол. А забор – перегораживают реку: вбивают обычно колья, ветками опутывают. Колхоз делал и забор, и закол. На Вейге делали заборы, а вот на Глубоком делали заколы» [29].

На каждой тоне обязательно находились «вешала», предназначенные для очистки, просушки и первичного ремонта снастей на открытом воздухе. В протоколах рыболовецкого колхоза «Красная заря» (д. Яреньга) в 1946 г. содержится информация о выдаче задания бригадиру Гуляеву об изготовлении «вешалов для просушки снастей чтобы соответствовали своему назначению» к 20.05.1946 г. [15, Л. 1 об.].

На каждой тоне использовались карбасы (карбаса), которые по способу их изготовления – «шитью» иногда называют «шитухи» [12, Л. 19]. Слово «карбас» (в переводе с фин.-угорских языков – большая гребная лодка с вёслами) впервые упоминается на территории Онежского полуострова в 1568 году: «1568 г. ноября 2. Данная грамота Василия Потапова сына Костылева иг. Кирилло-Белозерского м-ря Кириллу на двор «в Золотице в волости», огород, пожни «в Лопалахте», да сетей морских неводных полтараста сажен и с тятивами, и с матицею, да карбас неводной ... да пять рублёв вкладу» [8, С. 200].

Во время колхозного промысла сельди на тонях Летнего берега находились большие 1,5-тонные, 2-тонные, 3-тонные или 5-тонные карбаса, сёмужьи карбаса, карбаса – подъездки [3]. «Каждый карбас был закреплён за определённой рыболовецкой бригадой, которая должна была его смолить, ремонтировать. Сельдяные карбаса на участке «Креница» (д. Яреньга) использовались, начиная с половины мая и до конца июня. Отработали, вытащили, перевернули» [36]. В каждой поморской

деревне были мастера, изготавливавшие («шившие») карбаса [12, Л. 19]. Каждый год перед путиной карбаса либо обновлялись, либо ремонтировались. В протоколах рыболовецкого колхоза «Промышленник» (д. Лопшеньга) содержится информация «о 14 карбасах, введенных в 1951 году на промысловых участках «Тотманга», «Острое» и «Лудушка» [20, Л. 122].

Для вытаскивания карбаса на сушу в период штормовой погоды и спуска его на воду использовались специальные брёвна – «покати» [36]. Для вытягивания карбасов из воды использовались ворота – специальные приспособления [13, приложение]. В Лопшеньге такие приспособления называются шейма.

Жилые здания тоней «обрастали» целым комплексом хозяйственных сооружений [6]: конюшен, складов, бань и т.д. На отдельных наиболее крупных промысловых участках (рыб-станах) в XX в. колхозами были построены специальные сетные склады, где от путины до путины хранились просушенные, вычищенные и промаркированные снасти.

В 1950 г. на промысловом участке «Холодное» в Унской губе, где производился зимний подлёдный лов наваги, рыболовецким колхозом «Красная заря» была построена конюшня [18, Л. 39].

В 1951 г. по решению собрания колхоза «Промышленник» на промысловых участках «Никольская» и «Василистова» были построены ледники для хранения сёмги [19, Л. 7]. В то время как в соседнем рыболовецком колхозе «Красная заря» (д. Яреньга) было принято решение: «в связи с тем, что участки рыболовные близко и имеем недостаточной рабочей силы – ледник строительство не производить в 1950 г.» [17, Л. 17].

В настоящее время, когда большая часть тоней Онежского полуострова принадлежит частным владельцам, инфраструктура промысловых участков представлена, в основном, небольшой избой, вешалами, орудиями лова, небольшим карбасом.

Только на немногочисленных тонях, принадлежащих рыболовцам колхозам, сохраняется комплекс жилых и хозяйственных зданий.

Список использованной литературы и источников

1. Алеев, В.Р. Отчёт о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий (отд. отт.). СПб, 1913.
2. Алексева, Я.И. Семужьи тони Соловецкого монастыря на Онежском полуострове (XVI–XVIII вв.) / Соловецкий сборник. Вып. 17. Архангельск, 2021.
3. Анциферова, А.И. Научная справка «Традиционное шитье карбасов в поморской деревне Яреньга (национальный парк «Онежское Поморье»)». / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 34.
4. Белозёрова, И.В., Кузьминых С.В. Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМ) / Сборник научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2021». Архангельск, 2022. С. 123 – 143.
5. Бернштам, Т.А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX-начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда). URL <http://histfishing.ru/biblio/ethnography/bernshtam-t-l-rybolovstvo-na-russkom-severevvo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xx-v-po-kollekcziyam-i-arxivnym-materialam-etnograficheskix-muzeev-leningrada.html> (дата обращения: 21.12.2021 г.).
6. Вассиан и Иона Пертоминские / URL <https://www.pravenc.ru/text/149891.html> (дата обращения: 2.12.2021 г.).
7. Годовой отчёт по колхозу «Беломор» Пушлахотского сельского совета Беломорского района Архангельской области о наличии рыбацких станов, складов, бань, конюшен / Архив Приморского района. Ф.223. Оп. 1. Д. 4.
8. Енин, Г.П., Афанасьев В.И. Описание документов XIV–XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб, 1994.
9. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1 Архангельск, 1895. <http://elib.shpl.ru/nodes/12737> (дата обращения: 2.12.2021 г.).

10. Кривополенов, К.С., Бессонов Е.П. Реестр изб на берегу // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
11. Кондратьева, В.Г. Резное дерево Поморья. Архангельск, 2014 г.
12. Матонин, В.Н., Бедина Н.Н. Языковые механизмы формирования локального социокультурного пространства на примере поселений Летнего и Терского берегов Белого моря / Постижение Севера: к 125-летию Ксении Петровны Гемп : сборник материалов Всероссийских научных чтений, посвящённых юбилею известного советского и российского учёного-альголога, почётного гражданина города Архангельска, почетного члена Русского географического общества Ксении Петровны Гемп : (Архангельск, 12 декабря 2019 г.). Архангельск, 2019 г.
13. Матонин, В.Н., Рапенкова С.В. Научный отчёт «Промысловая культура Летнего берега Белого моря (пос. Пертоминск, деревни Лопшеньга, Луда, Уна)» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф.2. Оп. 2/2. Д. 17.
14. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. Рождественской. Архангельск, 1952.
15. Протоколы рыболовецкого колхоза «Красная заря» за 1946 год // Архив Приморского района Ф. 225. Оп. 1. Д. 6.
16. Протоколы рыболовецкого колхоза «Промышленник» за 1950 год // Архив Приморского района Ф. 224. Оп. 1. Д. 19.
17. Протоколы рыболовецкого колхоза «Красная заря» за 1950 год // Архив Приморского района Ф. 225. Оп. 1. Д. 13.
18. Протоколы рыболовецкого колхоза «Красная заря» за 1950 год // Архив Приморского района Ф. 225. Оп. 1. Д. 14.
19. Протоколы рыболовецкого колхоза «Промышленник» за 1951 год // Архив Приморского района Ф. 224. Оп. 1. Д. 27.
20. Протоколы рыболовецкого колхоза «Промышленник» за 1951 год // Архив Приморского района Ф. 224. Оп. 1. Д. 31.
21. Промысел сёмги в Белом море. URL <http://aqualib.ru/books/item/f00/s00/z0000010/st005.shtml> (дата обращения 1.12.2021).
22. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1862. 1742 г. - информация предоставлена Я.И. Алексеевой, научным сотрудником ГБУК г. Москвы «Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева».
23. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 988. 1713 г. - информация предоставлена Я.И. Алексеевой, научным сотрудником ГБУК г. Москвы «Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева».

24. РИБ, т.014. 1894. ст. 281-285 – информация предоставлена Я.И. Алексеевой, научным сотрудником ГБУК г. Москвы «Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева».
25. Рождественский, В.В. Записки художника. Москва, 1963.
26. Филин, П.А, Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера //Ставрографический сборник / Изд. совет РПЦ; Фед. арх. служба России; РГАДА. М., 2001. Кн. 1. С. 166–198. URL http://qwercus.narod.ru/filin_2001.htm (дата обращения 2.12.2021 г.)
27. Харитонов, Я.Э. Научный отчёт «Религиозный уклад Летнего берега Белого моря (д.д. Яреньга, Лопшеньга, Луда, Уна, Летний Наволок (Дураково), п. Пертоминск)», Архангельск, 2018 г. / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 33.

Информанты

1. Агеев Афанасий Филиппович, 1947 г.р., м.р. и м.п. – д. Яреньга. Запись Анциферовой А.И., 2017 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
2. Бровков Евгений Андреевич, 1931 г.р., м.р. – с. Пурнема, м.п. – г. Архангельск. Запись Анциферовой А.И., 2021 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
3. Галушина Надежда Вениаминовна, м.р. – д. Пушлахта, м.п. – г. Северодвинск. Беседа Анциферовой А.И., 2021 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
4. Михай Олег Николаевич, 1966 г.р., м.п. – д. Лопшеньга. Запись Анциферовой А.И., 2019 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»;
5. Петров Николай Александрович, 1943 г.р., м.р. и м.п. – д. Лопшеньга. Запись Анциферовой А.И., 2019 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
6. Пунанцева Татьяна Васильевна, 1943 г.р., м.р. – д. Яреньга, м.п. – д. Лопшеньга. Запись Анциферовой А.И., 2019 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
7. Репин Валентин Алексеевич, 1934 г.р., м.р. – д. Летний Наволок, м.п. – г. Северодвинск. Запись Анциферовой А.И., 2019 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

8. Сибилёв Николай Иванович, 1960 г.р., м.п. – д. Лопшеньга. Запись Анциферовой А.И., 2019 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»;
9. Терещенко Николай Савельевич, 1953 г.р., м.р. и м.п. – д. Яреньга. Запись Анциферовой А.И., 2018 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

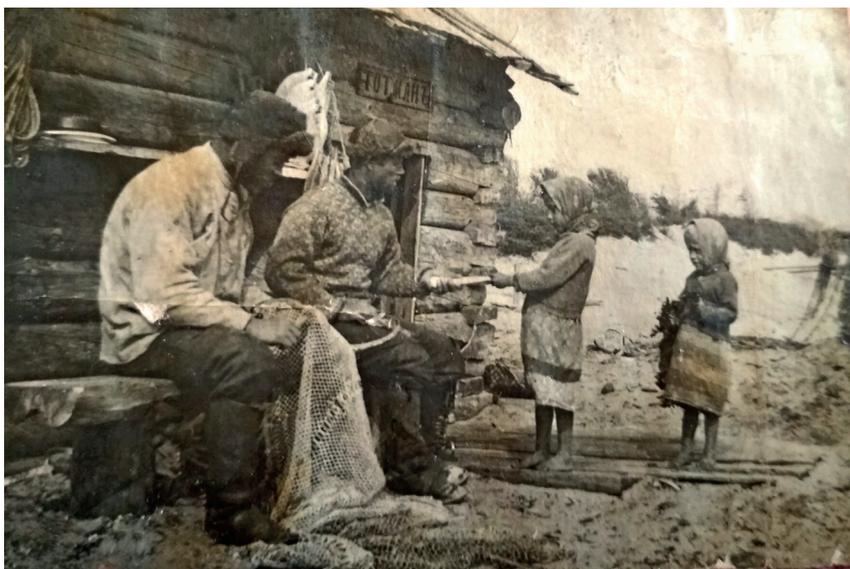

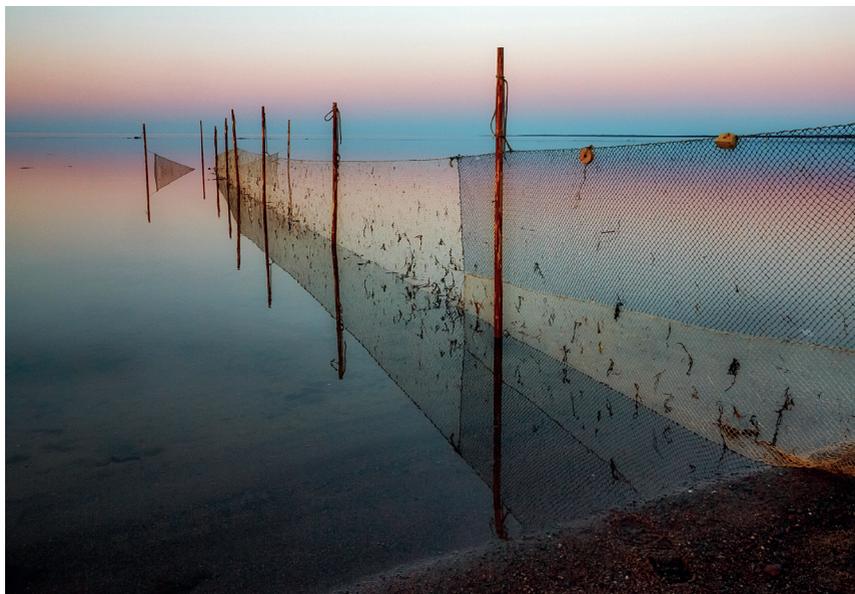
Рис. 1 Рыбаки из Лопшеньги: ? (слева), Александр Матвеевич Федотов (справа) Тоня «Тотманга». 1937 г. Фото Н.И. Рождественской Семейный архив К.А. Федотовой (д. Лопшеньга)

Рис. 2 У «тоньской» избушки рыбак Алексей Степанович Майзеров Тоня «Лодейная». 1937 г. Фото Н.И. Рождественской Государственный литературный музей (г. Москва)

*Рис. 3 Тоня – часовня «Кярженица» (д. Летний Наволок).
2018 г. Фото Е.Г. Мазилова*

*Рис. 4 Рюжа на тоне.
2018 г. Фото Е.Г. Мазилова*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анциферова Анна Ивановна

главный хранитель музейных фондов ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (г. Архангельск)

Бедина Наталья Николаевна

профессор кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», доктор культурологии, доцент (г. Архангельск)

Егорова Екатерина Николаевна

доцент кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат филологических наук, доцент (г. Архангельск)

Иванова Анна Александровна, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (г. Москва)

Кильдяшова Татьяна Александровна

доцент кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат философских наук, доцент (г. Архангельск)

Коваль Светлана Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, создатель и декан Педагогической мастерской ПГУ имени М. В. Ломоносова, Заслуженный учитель РФ (г. Архангельск)

Кушкова Людмила Витальевна

методист по научно-просветительской деятельности Музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск)

Лефман Татьяна Олеговна

старший преподаватель кафедры культурологии и религиоведения ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кандидат культурологии (г. Архангельск)